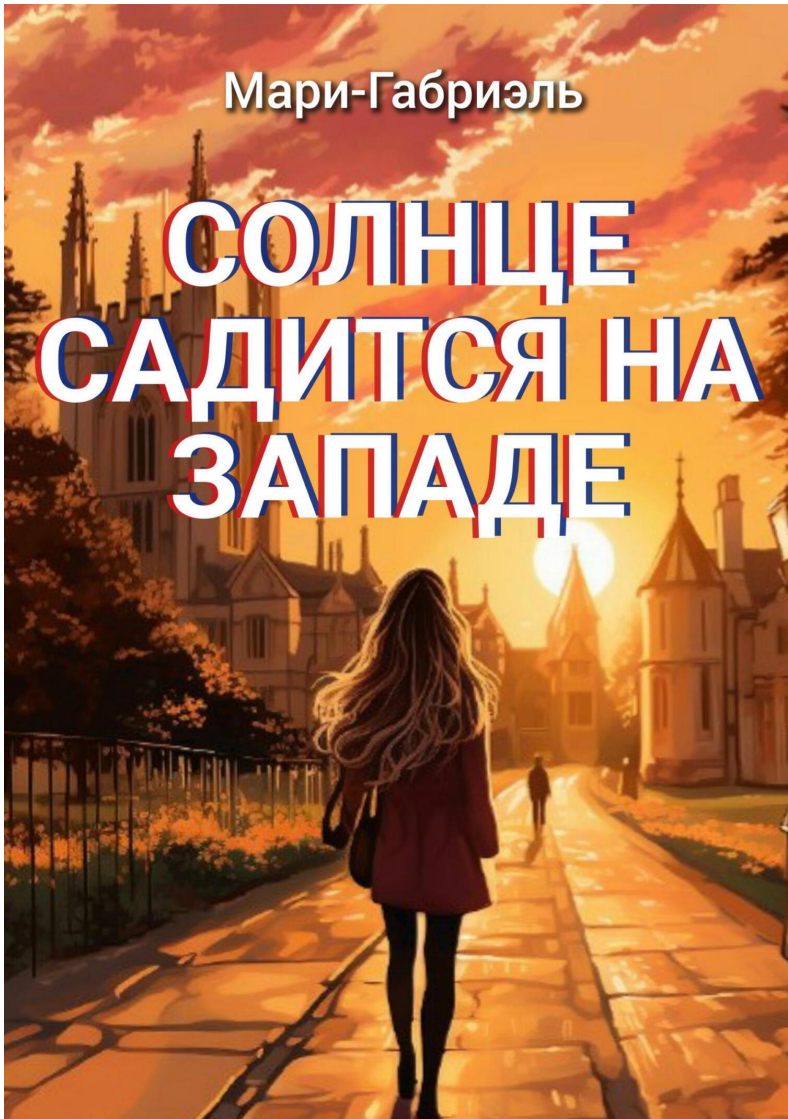

Мари-Габриэль

СОЛНЦЕ САДИТСЯ НА ЗАПАДЕ

Мари-Габриэль

Солнце садится на Западе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43713587

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-08098-0

Аннотация

Самая странная книга, которую вы читали. Основана на реальных событиях. Книга была впервые издана во Франции. Участник выставки русской книги в Париже. «Верите ли вы, что наши души встречаются из жизни в жизнь? Можем ли мы помогать своим «старым друзьям», которых встретили когда-то уже давным-давно?» Героиня – девушка, находящаяся в непростой жизненной ситуации, – волею судьбы попадает в Англию, в город Кембридж. Встречает там большую любовь. Но дорога к счастью оказывается не так проста. По пути ее ждут слезы, полное отчаяние, верные друзья, радости, чудеса и множество волшебных совпадений. В мире много удивительного, только открой глаза!

Мари-Габриэль

Солнце садится на Западе

От автора

Я решила написать эту историю сейчас. Пока я могу еще ее чувствовать. Я считаю, она достойна того, чтоб ее рассказали. Я писала ее «внутри» почти четыре года. Писала отрывками в дневниках, стихами, глупыми постами в социальных сетях. Но сейчас пришло время, и она как будто уходит. Позже краски потухнут. Чувства сгладятся. И от нее останутся одни лишь обрывки воспоминаний. Но мне очень и очень не хочется, чтобы она ушла насовсем и осталась в итоге лишь куском моей памяти, яркой вспышкой потухшего света, такой бессмысленной, но такой важной главой моей жизни. Я хочу, чтоб она оставалась подольше живой и жила бы здесь, в Кембридже. Где я решила записать ее. Может быть, кто-то, прочитав ее, улыбнется, кто-то задумается, а кто-то, возможно, узнает себя.

P.S. Все события, описанные ниже, – абсолютная правда. Можете верить, можете – нет. Но все было так. И именно так. Только некоторые особенно личные моменты я хотела бы оставить нерассказанными. Пусть они останутся со мной и сохранятся только в моей памяти. Почти все имена намеренно изменены.

* * *

Давным-давно, а может, и не очень давно, это смотря как посчитать, где-то в далекой стране жила-была принцесса. Жила она, как и полагается принцессе, в замке. Но замок тот был, честно сказать, как-то не очень. Был он очень старый, серый и угрюмый. И жилось там принцессе грустно-прегрустно. Но не только в самом замке было дело. Злая ведьма наложила заклятье на замок и на мать принцессы. Мать ее вообще-то была добрая, милая женщина. Ну... должна была по всем правилам сюжета быть такой где-то глубоко в душе... Но под заклятьем становилась хуже самой злющей мачехи. И поскольку никто не знал, что проблема вся в заклятье, приходилось принцессе мириться с предложенными обстоятельствами. Жизнь принцессы была тоскливая и печальная. Никуда она почти не ходила. Никакой social life. Друзей у бедной принцессы почти не было. Личная жизнь тоже не ладилась. Что неудивительно, так как страшный дефицит принцев наблюдался в той далекой стране.

Перспектив никаких впереди не виделось. И стала принцесса много-много болеть.

Долго-долго болела принцесса. И ни конца ни края этому не виделось.

Грустно было принцессе. Разбиралась она однажды в шкафу и нашла там одну интересную книжку...

Книга была тоненькая, но оказалась очень полезной и содержательной. Если очень кратко – в ней говорилось о том, что человек на самом деле может все. Такая своеобразная

инструкция по выживанию, если твоя жизнь – полнейший... привет. Даже оказавшись в очень затруднительном положении, гласила книга – к примеру, в депрессивном замке с заколдованной матерью и кучей странных болезней – все равно, если очень этого захотеть, то можно найти и выход, и принца, ну вообще все, что захочешь, можно найти. В общем, главное – это захотеть!

И название у книжки было очень подходящее – «Иллюзии» Ричарда Баха.

Принцессе книжка очень понравилась. Она читала ее и читала. От начала до конца, от конца к началу. И постепенно стала выздоравливать...

Когда, наконец, решила она, что уже достаточно выздоровела, купила она себе глобус, ткнула пальцем в первую попавшуюся точку. Ну, может, не совсем в первую. Да и не так это важно.

В общем, собрала она в один день свои вещи и уехала. Правда, совсем ненадолго, всего на несколько недель. Так как уехать надолго из грустного-грустного замка не представлялось возможным. Визовый режим вносил свои коррективы. Но об этом уже чуть позже...

А пока уехала принцесса на несколько недель в другую страну. Поучить язык. Отдохнуть. Ну и подумать...

И кто же тогда мог знать, что эти недели почти на четыре года перевернут ее жизнь.

Начало. Самолет. Бинт

...Вот, примерно так все и было.

Я летела в Англию. Помню, как в самолете красиво светило солнце в иллюминатор. Такое яркое и приветливое. Как плыли внизу облака. Мое внимание привлек сидевший рядом мужчина с перевязанной рукой. Я не поверила глазам. Сердце екнуло и застучало.

Накануне я как раз смотрела шоу с Цезарем Меланом – «Переводчик с собачьего» на Animal Planet.

В детстве я очень хотела иметь собаку, но мама не позволяла ее заводить. Пытаясь возместить отсутствие настоящей собаки, я покупала книжки о собаководстве, читала журналы, смотрела разные телешоу про собак. Потому в скучные дни моего постоянного боления «Переводчик с собачьего» было лучшим развлечением и отвлечением для меня. Мне нравился Цезарь, такой – мужчина мечты. И втайне я мечтала когда-нибудь встретиться с ним. Насколько было мне известно, недавно у него состоялся тур по Англии. И совсем скоро ожидался следующий. Я представляла, как зайду в самолет, и вдруг он неожиданно появится передо мной. Как я зальюсь краской и от счастья забуду все известные мне английские слова. А потом мы будем говорить, говорить, говорить... Я расскажу ему, как мне всегда хотелось иметь собаку. Можно, наверное, будет поговорить и о чем-нибудь еще. Вот такие вот детские мечташки. Но меня эти мысли очень радовали. Понимая всю их абсурдность, я все-таки решила кое-что испробовать.

В моей волшебной книге, под названием «Иллюзии» Ричарда Баха, говорилось: «Если хочешь, чтобы в твоей жизни что-то появилось, вообрази, что оно уже здесь».

И поскольку свободного времени у меня было много, я стала воображать день за днем, все ярче и ярче во всех деталях и красках нашу будущую встречу с моим кумиром.

В последнем виденном мной перед отъездом выпуске шоу Цезарь повредил себе правую руку, пытаясь воспитать какого-то питбуля. И всю неделю после я старалась как можно четче представить себе, как мы с ним, по чистой случайности, окажемся соседями в предстоящем полете. А для большей четкости, чтобы волшебное провидение уж никак не смогло ошибиться, я представляла его себе с забинтованной рукой. Эта важная деталь дорисовывала картину самым ярким фломастером, предавала моим фантазиям больше реалистичности. Главное – ярко представить и отпустить. Представь то, что хочешь получить, как будто оно уже есть, и отпусти картинку. А дальше позволь Вселенной самой решить все задачи за тебя. Так вот...

Каково же было мое удивление, когда, отвернув голову от иллюминатора, я увидела руку. Руку, обмотанную бинтом. Внутри все замерло и похолодело. Было как-то жутко и одновременно волнительно поднимать голову. А вдруг это он!

Вдруг все правда – Вселенная слышит меня. Желания – сбываются. Мысль – на самом деле материальна.

И вот, я подняла голову. Мужчина, сидевший на сосед-

нем сидении, посмотрел на меня и приветливо улыбнулся. Он был крупный, небольшого роста, на вид лет сорока, с перевязанной рукой и приятной улыбкой. Но это был не Он. Не мой Цезарь Мелан. Не Он. Волшебство не сработало. Или это просто я так неправильно представляла. Ну да, так и есть. Все правильно. Книга работает. Все хорошо. Все как надо. Чудеса начинаются, подумала я.

Долетели быстро. В аэропорту меня встретил водитель. Так начиналось мое путешествие в Кембридж.

* * *

Кембридж – это маленький город на востоке Англии. Кембридж – всем известное слово, знаменитый на весь мир университет. Кембридж – мой маленький личный мир, которому суждено было стать для меня всем... Но не будем забегать так далеко вперед.

По дороге мелькали только поля и поля. Вот она, такая Англия, думала я... Через час мы были уже на месте.

Маленькие домики, зеленая трава в декабре, непривычно, не по-московски тепло. Все так мило и странно, странно и еще очень ново для меня.

Такие разные-разные люди ходят по улицам, одетые кто во что. Кто в плащ, кто в платье, некоторые, особенно выделяющиеся, даже в шортах. И это в плюс десять на улице. Странные. Разве это вообще зима? Это больше весна или ранняя осень. Вечный сентябрь, может быть. Как-то так.

Зима в моей жизни в тот момент закончилась. И речь тут

совсем не о климате.

Дом, где я должна была жить, был двухэтажный. Это было общежитие для студентов языковой школы, в которой мне предстояло учиться.

Меня поселили на втором этаже. В комнату номер 2. К комнате также прилагалась соседка. Честно сказать, она была весьма неплохим приложением. Таким огромным лучезарным комком счастья, и от этого счастья сама вся светившаяся. В общем, она мне понравилась. Помимо нее в доме жили еще люди. Но не так, наверное, важно здесь тратить время на их описание. А важно было то, что я наконец была свободна. Принадлежала сама себе. И от этой свободы звенело в ушах, стучало в груди и екало в животе. Казалось, счастье здесь. Оно рядом, очень близко. Я почти дошла до него.

Настала ночь, дом уснул. И я вместе с ним. Накануне, еще дома, мне снился сон. Старый город, узкие улицы, низкие домики, люди, церкви. Я брожу в центре по узким переулкам, вокруг площади, брожу, брожу. Я потерялась. Все хожу по кругу и никак не могу найти выход... Сон был очень яркий и запомнился во всех деталях.

С первого предчувствия тебя

Любовь с первого взгляда. Бывает ли она? Моя была даже не с первого. Она началась с первого ощущения, предчувствия его. Бывает, впервые видишь человека, а кажется, как будто знаешь его всю жизнь. С ним было даже не так.

Я чувствовала что-то в этот день. Как когда должно слу-

читься что-то особенное.

Трехэтажный маленький домик в центре. Я несколько раз терялась по дороге. Бродила по кругу, сбивалась с пути, как во сне. Но все-таки нашла его. На листке было написано – Classroom number 5 (класс номер 5). В двери было стеклянное окошко. Я заглянула. Класс был пустой. Никого еще не было. Только один человек сидел за столом в этом классе. Сидел и читал газету. Внутри что-то екнуло. Я несколько секунд смотрела на него сквозь стекло. Потом отошла от двери и подумала: «А вдруг, это не мой класс? Вдруг я ошиблась?». Почему-то я жутко растерялась. Он казался мне таким знакомым, этот человек, одиноко сидевший там. Он как будто бы ждал меня. Где я могла его раньше видеть? Ведь не могла нигде. А может, он тоже мне снился в том сне, где я так долго бродила по городу, ища выход, как из лабиринта. Может, он, правда, приснился мне тогда, а я просто забыла. Но знать его я не могу. Не могла точно видеть раньше. Он мог быть, конечно, на кого-нибудь похож. Только я никак не могла понять, на кого.

Было рано. Я стояла у двери, а он сидел там за ней, продолжая читать свою газету. И я от чего-то страшно стеснялась зайти.

Возраст его было сложно определить. Выглядел он достаточно молодо, и сначала я решила, что он, возможно, тоже студент, как и я. Он был в очках. Одетый в майку поло. Светловолосый. Симпатичный. Не сказать, что красавец. Но лицо

его было довольно открытым, очень каким-то своим. Стоять у двери весь день, глаза в окошко, было нельзя, и, чуть поколебавшись, я решила наконец войти.

Я постучала – и вошла в класс.

– Вы Мария? – спросил человек, оторвавшись от газеты.

– Да, – ответила я. И в тот же момент почувствовала смущение.

– Откуда вы к нам приехали? – спросил он, возвращаясь глазами к газете, на самом деле не проявляя никакого особенного интереса ко мне.

– Из России, – ответила я.

– И чем вы занимаетесь в России, вы – студентка? На кого вы учитесь?

– На менеджера, – сказала я и засмушалась еще больше.

Он мне так нравился, почему-то уже так нравился. Нравился, наверное, с той самой секунды, как я только увидела его в то маленькое окошко в двери. Разве так может быть, чтобы человек понравился за секунду?

Мой скудный английский предательски подводил меня. Но мне хотелось говорить с ним, и я добавила, так откровенно и как-то по-детски:

– I'm manager but I don't like it (я училась на менеджера, но мне эта специальность не нравится).

– You're manager, and you don't like it (т. е. ты менеджер, и тебе это не нравится), – рассмеялся мой собеседник, подняв глаза из-за газеты.

Разговор получался немного нескладный, и мои щеки уже пылали от смущения.

– А почему вы решили учить английский? – продолжал он.

– I wanted to change something in my life (Я хотела изменить что-нибудь в своей жизни), – сказала я уже тихо, опустив глаза в пол и окончательно смутившись, замолчала.

А мой новый знакомый, видимо, удовлетворившись ответом, преспокойно вернулся обратно к чтению, которое, как видно было, занимало его гораздо больше, чем беседа со мной.

В класс стали заходить первые ученики. В глазах прямо пестрело от разнообразия. Китайцы, испанцы, мексиканцы, арабы, французы. Я никогда раньше не видела столько людей разных национальностей вместе. Было немного странно, и я с интересом их всех рассматривала. Пытаясь как можно более незаметно, хоть на лишнюю секунду, задерживать взгляд и на нем.

Он был учитель. Не студент. В этом теперь не возникало сомнений.

Когда все студенты уже собрались в классе, урок начался. Звали его Джейк Смит.

С первых минут урока я поняла, какой роковой ошибкой было войти в этот класс. Так как десять минут спустя он мне уже не просто нравился. А пятнадцати минут его дурацкой болтовни хватило, для того чтобы мой уставший, изму-

ченный разум перестал адекватно функционировать и улетел в далекие, далекие дали страны влюбленности. «Остановись!! – говорила я себе. – Что ты делаешь! Ты, с ума сошла!? Зачем тебе это! Посмотри на него! Только посмотри. Он же обычный, рядовой невротрепател. Ты видела таких и раньше. И никогда не позволяла себе к таким ничего испытывать. Никогда. Да, они забавные, как щенки. А потом такой товарищ растопчет твою душу и выбросит, как только ее заполучит». Но сердце не слушало. Ему было хорошо. Хорошо слишком. Оно уже не реагировало на доводы рассудка: «Остановись! Остановись! Одумайся, если ты позволишь себе это чувство, то что ты потом будешь со всем этим делать? Даже если вдруг, как в сказке, все сложится хорошо. У тебя виза. Как больно тебе будет отсюда уезжать».

Уезжать... Но думать об этом мне сейчас хотелось меньше всего.

Подумай, а вдруг твое чувство будет не взаимно. Боролся рассудок из остатка сил. А вдруг он не свободен? А вдруг женат?..

Но голова уже проиграла и не хотела знать ничего лишнего. Ничего вообще. Ах, какое у него сумасшедшее чувство юмора. Он, конечно, внешне не мой идеал, не красавец. Но какой же он потрясающий! Он говорит и смотрит тебе прямо в глаза. А ты умираешь от смущения. Он улыбается во весь свой белоснежный рот, а ты просто таешь. Ах, это чувство, которое испытываешь только в двенадцать-тринадцать лет,

впервые влюбляясь. Ах, эти сумасшедшие, глупые эмоции, которым не хочешь да и не можешь сопротивляться. Как человек может так вскружить голову за пятнадцать минут.

Пятнадцать минут. Именно столько прошло с начала урока, когда я окончательно и бесповоротно влюбилась в Джейку.

Урок пролетел как мгновение. В перерыве, когда все вышли на улицу, он курил в толпе ребят. А я ощущала себя настолько глупо, насколько можно ощущать себя в шестом классе, когда не знаешь, как подойти к понравившемуся мальчику. Ну почему же я не курю! Впервые в жизни, наверное, я об этом пожалела. Он галантно открыл передо мной дверь в класс, когда мы возвращались с перерыва. Мое сердце растворялось в нем, как сахарок в чае, а разум глох. Я не хотела и не могла остановиться.

Все мои мысли вечером теперь занимали вопросы: а вдруг он не свободен; а вдруг ему не понравлюсь я... и т.д. и т.п. Ну как это обычно бывает в таких случаях.

* * *

На следующий урок к Джейку я также постаралась прийти пораньше. В расписании он чередовался с другим учителем. Так что видеть его каждый день, к моему сожалению, не получалось.

Темой этого урока была свадьба. Мы обсуждали традиции Великобритании. Как здесь принято жениться. Какие есть обычаи, чья семья платит за свадьбу и т.д. Мой прекрасный

учитель активно вещал на весь класс, эмоционально жестикулируя. Он в красках рассказывал про свадьбу своей сестры. Добавляя во все шутки, только в ему одному доступной манере. Он играл как актер на сцене. Ни на секунду не отпуская зал. Зрители смеялись и плакали, плакали и смеялись. Он был лучшим. Даже жутко становилось от того, как хорош он был в своем амплуа.

До чего же он органичен. До чего же талантлив. Он не учитель. Он актер. Актер настолько естественный и самобытный, что в борьбе за Оскар легко обошел бы Мерил Стрип, Джека Николсона, Сандру Баллок и Джонни Деппа вместе взятых; да простят меня читатели за такие громкие сравнения. Ведь, как известно, наши возлюбленные всегда идеальны в наших глазах. И в тот момент для меня он был идеалом. Самым ярким, самым талантливым, самым прекрасным. Но и сейчас, стараясь быть объективной, могу сказать, что отчасти именно таким он и был.

Я сидела, открыв рот, и наслаждалась концертом. Как было комфортно в этом классе, как хорошо! Просто быть здесь, рядом с ним. Не важно, что он говорит. Не важно, что трети я даже не понимаю. Просто быть здесь и сейчас. Как тепло сейчас моей исстрадавшейся душе. Как спокойно. Я могла бы провести вечность рядом с ним... Остановись, дурочка! Хватит! Подумай, а вдруг он не свободен, вдруг он женат, вдруг он гей или просто псих!? Да кто его знает вообще. Ты ведь видишь его второй раз в жизни. Остановись!!

И тут, по какому-то странному вселенскому закону, как будто бы кто-то сверху прочел мои мысли – один парень из класса нагло и совершенно не к месту спросил: «Джейк, а ты, случайно, не женат?»

У меня внутри все замерло. Вот он, момент истины. Сейчас все решится. И я пойму, наконец, что мне, как всегда, не повезло. Что мой прекрасный принц десять лет как занят. Растит пятерых детей и очень счастлив в браке. А мне стоит подобрать слюни и бегом сваливать в другой класс от греха подальше. Пока мои эмоции совсем не превратили меня в желе.

Я, не дыша, ожидала ответа.

Джейк, как мне показалось, на мгновение замялся. Но виду не подал. И глядя парню прямо в глаза, сморщив презрительно нос, прямо и без запинки ответил: «Нет. Не женат и никогда не был».

Ох... я выдохнула. Табун радостных розовых пони пробежал по моему животу. Он свободен! И больше я знать ничего вообще не желала. Хватит, разум! Я тебя отпускаю. Я хочу это прекрасное чувство в своей жизни, хочу. Такого со мной никогда еще не было. Я больше не могу ему сопротивляться. Последняя преграда была сметена. Меня больше уже ничего не держало. И с этого самого момента я целиком и полностью отдала себя любви к Джейку. Чувству, такому глупому и наивному. Такому огромному и глубокому. Такому чистому и порочному. Пламени, которое подобно костру в лесу спо-

собно согреть заплутавшего путника. ...Но при неосторожном обращении способно безжалостно спалить все вокруг...

Недели шли. Уроки с ним были праздниками. Росло чувство. Крепло. И все глубже въедалось в душу. Я уже не видела ничего. Был только он. Как подойти к нему? Как понравиться? Как сделать первый шаг, когда колени предательски дрожат, а язык подводит? Когда английского едва хватает на примитивнейший разговор. Когда все, чего хочется, – это просто быть рядом с ним. А времени предательски страшно мало.

Так влюбляются в тринадцать лет, не в двадцать четыре, в тринадцать, когда любовь – это такое всеобъемлющее, всепоглощающее цунами, которое захватывает тебя в свой водоворот и уже не отпускает. А ты и не думаешь сопротивляться. Ты просто идешь на поводу у всех своих инстинктов, не зная еще, что любовь бывает и другой. Ни минуты не думая, что чувства способны вдруг обмануть. Твоя любовь – твое все – твоя жизнь, твой мир, твой воздух. И, может быть, только так и никак иначе. И так и должно быть. И это нормально. Но только в тринадцать. Не в двадцать четыре, нет...

Но шли недели, а я ни о чем не думала. И не хотела. Я себе это все разрешила. Разрешила сходить по нему с ума. Разрешила мечтать, разрешила им бредить. Разрешила, потому что устала. Устала от болезней, проблем и боли. Устала от того, что ранит и калечит. Устала от неразрешимых ситуаций, которые мешают жить. А он был отдыхом, отпуском,

счастьем. Самым лучшим лекарством для моей зареванной души. Он был лучшим. Лучшим успокоительным, антидепрессантом. Он улыбался, смотрел в упор. И я тонула в его зеленых глазах, в его словах, в его дурацких шутках. В его присутствии. В нем самом.

Он был добр ко мне. И, честно сказать, мало, кто был до него. Этого было не много, но вполне достаточно, чтобы раствориться в нем. Так по-девичьи наивно.

Вечность рядом с ним. Это все, о чем можно мечтать. И не нужно ничего. Ничего. Ни денег, ни карьеры, ни достижений, ни мечтаний, ничего больше. Только он. Он сам стал миром. Стал всем. Стал самым важным для меня.

И тут... все вдруг кончилось. Просто так взяло и кончилось.

Прошли три недели. Пролетели как один миг. И, как это было ни грустно, пора было ехать домой.

Нужно было что-то делать, чтоб вернуться. Что-то придумать и очень быстро. Какая теперь разница, что дальше, если его рядом не будет. Какое значение имеет все остальное?

Но я нашла выход, он был очевиден. Позвонив папе, я уговаривала его, что три недели – это мало для языка. Мало для школы. Мало для меня... Что мне здесь очень нравится. Что Англия – это хорошо. И хорошо бы было мне сюда еще раз... и поскорее... вернуться. Я выложились на отлично. И папа, к моему облегчению, согласился. Но все же, ждать предстояло несколько месяцев. До лета. Несколько мучительных меся-

цев. Ну ничего. Я терпеливая. Я умею ждать, подумала я. Это будут хорошие месяцы. Потому что со мной будет он. Каждый день, каждую минуту, каждую секунду. В моих мыслях, в моих мечтах, в моем сердце.

Я помню, как похолодало в последние дни. Мы попрощались у школы. Он махал мне, уходя. Мол – не грусти, – все будет хорошо. И я знала, что будет, потому что я обязательно продержусь до лета.

* * *

...И вот уже Москва. Аэропорт. Больше не слышно английской речи вокруг. Все растворилось, будто и не было. Все осталось позади. Три часа полета. Что это? Если задуматься, то в масштабах мира и Вселенной совсем ничего. Виза, чтоб вернуться, – что это, глупая картинка в паспорте, или пропасть, зияющая между нами. Пропасть между двумя жизнями. Между двумя мирами. Между любовью и разлукой. Между свободой и клеткой. Между счастьем и болью.

Я понимаю, что многие вопросы ставились, ставятся и стоят гораздо выше чувств и жизни одного маленького человека. Но визы – это боль. Люди, которые придумали визы, самые злые люди на свете! Для многих, разлученных со своими семьями, со своими родными, со своими любимыми. Для меня же эта самая виза стала многометровой ширины стеной, отделявшей меня от жизни, счастья, свободы и душевного комфорта. И в моем случае, в отличие от многих других людей, речь шла совсем не о стране.

Принцесса вернулась в замок. И единственное, что пока грело, это надежда, что не навсегда.

Немного о веселом... всем страдающим от страдающих ОКР^[1] посвящается

Возвращаясь к началу моего повествования, хотелось бы уделить немного внимания моей маме.

Я прилетала в Москву в конце февраля. Везде еще лежал снег. На улице грязь и холод. Потому выходить из дома часто мне не хотелось. Весной в городе даже не пахло. Единственным моим другом в то время стал компьютер. Я не вылезала со страницы Джейка. Несмотря на то что он не отвечал мне слишком часто, любое хоть малейшее общение было радостью, каждый ответ счастьем и отдушиной.

Но вернемся к маме. Бывают такие особенные люди, живущие в каком-то своем мире, по четко отмеренным в своей голове правилам, не признающие и не желающие знать никаких изменений, и интересов других людей тоже. Больные ОКР могут быть вполне себе милыми, приятными в общении, добрыми людьми, но при близком приближении вся их жизнь оказывается невероятно зацикленной на себе.

И все это можно вполне понять, можно относиться к такому человеку и его странностям с сочувствием. Но когда на болезнь накладывается еще и невероятно тяжелый характер, и человек вместо того, чтобы тихо себе болеть, превращает твою жизнь в ад, без выходов и компромиссов, то тут никакого терпения ни у кого не хватит. В общем, моя ситуация,

мягко говоря, была не очень. Мамин день начинался с мытья чего-либо и мытьем же заканчивался. Все в ее пространстве являлось для нее либо уже грязным, либо могло неожиданно испачкаться в любую минуту. Постоянное мытье рук: после мобильного телефона, после входной двери, после открытия окон, после их закрытия (все вещи, побывавшие на улице, также считались грязными).

Перед тем как залезть в шкаф с одеждой, после того как достал забытый платок из сумки... да и сам платок в таком случае тоже не помешает выстирать. Представьте себе, что вся ваша жизнь – череда правил и ритуалов, следовать которым необходимо неизменно. И попробуйте только не соблюдать их или хотя бы на малейший шаг от них отступить, и это сразу приведет к истерике или большому скандалу. Маму было жалко. Но еще больше жалко было себя. Бежать было некуда, да и сил на это особенно не было. Нельзя было лишний раз выходить из дома, общаться с не нравившимися ей людьми. Нельзя было никого приглашать. Нельзя было (простите за интимную подробность) иногда мыться душем, так как ей иногда казалось, что я и его пачкаю. Проблемно было готовить. Проблемно стирать. По большому счету все в этом доме было тяжело и проблемно. Сейчас я думаю, что не заболей я тогда так тяжело, я бы сумела что-нибудь придумать, чтоб оттуда убежать. Но я заболела в двадцать один. А потом последовали почти четыре года кошмара. На плохое физическое состояние наложилось психологическое, и

все это вместе вылилось в очень неприятные вещи. Я знала, что вернусь к Джейку. Папа обещал заплатить. Это было счастьем после времени необращения на меня и мои проблемы внимания. Родители давно были в разводе. И жизнь каждого только в небольшой мере интересовала другого. В основном они друг с другом просто скандалили. А я, как обычно бывает в такой ситуации, была громоотводом, всегда находящимся посередине. Таким нужным и таким неодушевленным. Ну в принципе логично, кто вообще может предположить, что громоотвод может быть живой. Только возвращение в Кембридж грело и держало меня. Нужно было лишь продержаться. Немножко подождать. Я ждала столько лет. Что по сравнению с этим несколько месяцев совсем не должны были мне ничего стоить.

Вообще, самое лучшее, что я могла сделать в такой ситуации – это быть терпимой и незаметной.

И именно так я и делала. Честно сказать, я большую часть жизни как раз так себя и чувствовала – незаметной – как будто меня вообще нет. Нет совсем. Так шло время. А с ним и моя жизнь.

Днем я могла долго бродить между домов. Мне было грустно. Больше всего от того, что даже гулять нормально я не могла. Я жила как на палубе, вечно плывущего куда-то корабля. Земля под ногами как будто качалась. Было так почти всегда. Гулять было тяжело. Но после прогулки становилось лучше. Я это заметила. И потому ходила. Ходила через

силу, как бы всему назло. Это помогало. А дома начинался снова привычный ад.

«Не наступай, не наступай на ковер!», – вопила мама в коридоре. Не наступать на него было сложно. Но я не наступала. Правда, не наступала. А ей казалось, что наступала. Ковровая дорожка в нашем крошечном коридоре у двери была обмотала целлофаном. Сходить с целлофана, раздеваясь, было настрого нельзя. Но чтобы повесить одежду, или того хуже, посмотреть в зеркало, не сойти с него было невозможно. Я давно приспособилась, и, выполняя в этом коридоре немислимые акробатические финты, я на ковер не наступала. Но мама орала все равно. Я была с сумкой. По дороге зашла в магазин. Продукты она забрала. Раздевшись под ее визги, я пошла на кухню мыть руки. «Не трогай ничего! Помой краны! Не забудь!» – продолжала мама свой истерический концерт. Я не трогала. Я все тысячу раз знала. И что краны после мытья рук тоже нужно мыть, и что воду потом лучше не выключать. И что мобильный телефон после помещения его в специальную подставку не нужно трогать, а если потрогал, то снова вымыть руки, и все по новой и т.д. и т.п. Я знала все. Но каждый раз она повторяла одно и то же. И каждый раз невозможно было описать комок боли и раздражения, возникавший при этом у меня внутри. Выполнив все ритуалы, я села за стол. Мама принялась мыть принесенные мной йогурты и пересыпать печенье из «грязных» магазинных пакетов в чистые. Я с грустью смотрела в

окно. Было видно железную дорогу. Она была через мост. Прямо как в Кембридже на Хилз Роуд. Я представила себе это и улыбнулась. Мама закончила мыть. Я налила чаю. Это был обычный день. Самый обычный день нашей не вполне обычной жизни. У меня не было друзей, не было работы, я с трудом гуляла из-за своих головокружений. Мне запрещено было открывать форточки без спроса, запрещено брать свои вещи из шкафа, запрещено приглашать кого-то домой (если бы даже было кого приглашать).

Каждый вечер перед сном я брала телефон и уходила в другую комнату. Чтоб спрятаться от мамы, мира и реальности хоть на время. Хотя бы в мыслях попасть снова в Кембридж, попасть к нему. Я сидела так до ночи, пока совсем уже не падала, и глаза не начинали болеть так, что невозможно было уже набирать текст на клавиатуре. А потом, положив телефон на специальную, только для него предназначенную подставку, приползала в свою кровать.

А мама не спала пока я не приходила, и все время взволнованно спрашивала: «Ты помыла руки?»

Я отвечала «да». И Боже упаси ей было подумать в тот момент, что руки я не помыла...

Я ложилась в постель, доставала из-под подушки фотографию Джейка. Поворачивалась к стене, клала ее между подушкой и спинкой дивана, так чтобы она была не заметна. Смотрела на него и засыпала. Мне казалось, что он со мной. Он мой принц, моя радость, мое счастье. И все очень скоро

будет очень хорошо.

Человек, живущий в моем телефоне

Одиночество – страшная вещь, что ни говори и как ее ни поворачивай. Оно, как голодный зверь, грызет и мучает тебя изнутри, пока ты не найдешь ему достойное утешение. Ожидание Джейка давалось мне тяжело. Все мое сознание, все мысли, все мечты, были поглощены только им. Но его было мало. Он редко общался со мной, если это вообще можно было назвать общением. Я списывала все на его стеснительность, на природную скромность, боязнь выражать свои чувства, возможно, скрытность. И каждым моим действием, каждым вдохом мне хотелось быть ближе, насколько это было возможно, к нему. В соцсетях я старалась общаться только с людьми из Кембриджа. Только с теми, кто хоть как-то имел отношение к этому месту. С теми, кто хоть как-то напоминал мне, куда я иду. И общение это радовало. Вдохновляло. Было, как бы частью моего корабля. Выполняло роль палубы, позволяющей держаться на плаву.

«Весна, весна на улице, весенние деньки, как птицы заливаются трамвайные звонки, шумная веселая, весенняя Москва. Еще не запыленная зеленая листва... и т.д.», – написала я под фотографией его заснеженного мартовского двора.

– Хорошо тебе смеяться! А весны-то хочется! – ответил он.

– Да я и сама уже здесь с февраля сижу. В этой весне...

– По колено в весне! – уместно заметил он.

Вообще, обычно он был жутким занудой, каких поискать. Неоднозначный, сложный, при этом, застенчивый, как я сразу заметила, интеллигентный человек, казалось, не делающий и не говоривший глупостей. Казалось, он жил строго по стандартам, навязанным обществом. Попробуй рассказать такому человеку о твоём мире «розовых пони», и ты не встретишь ни одобрения, ни понимания. Но среди всех этих для меня «непонятностей» у него был большой, большой плюс – он не был высокомерным, не был злым. С ним было очень легко, тепло и приятно. И ещё иногда почему-то он казался мне персонажем, как будто немного «не от мира сего», каким-то чуть-чуть что ли потерянным, как и я. Потому он мне, наверно, и нравился. К тому же он со мной разговаривал. Просто разговаривал. А мне этого очень и очень не хватало. Он был посторонним человеком, не напрягал распросами. Не лез с советами. Почти ничего не знал про меня и, конечно, ничего не мог знать про Джейка. Он был связан с Кембриджем. И все это вместе делало его идеальным другом, ещё одной дощечкой, в моей наспех построенной палубе. Ещё одной важной опорой в моём запутанном путешествии. Он хорошо подходил на эту отведенную ему мною роль. Приятно было, что можно было с ним просто разговаривать. Потому что необходимо было говорить с кем-то.

Таким был мистер Х – «человек, живущий в моем телефоне».

* * *

День шел за днем, неделя за неделей. Возвращалась весна, таял снег. И уже очень скорым казалось возвращение к Джейку. Первоначально, я планировала возвращение на май. Но обстоятельства сложились иначе, и поездку пришлось перенести на июнь. В этот раз меня ждали два месяца. Целых два месяца счастья! Всего два месяца... Но я об этом не думала, я думала только о нем. Вся моя жизнь тогда была ожиданием. Ни друзей, ни возможности заниматься каким-то делом не было. Из живого общения рядом были только мама и одна подруга. Редкое общение с людьми из Кембриджа, еще более редкое с Джейком (гораздо чаще с его фотографией). И больше вообще ничего.

Настал долгожданный июнь. И вместе с ним мой маленький мир из серого постепенно начал становиться цветным. Он был уже совсем-совсем рядом. Кембридж был рядом. И это меняло и освещало все вокруг.

* * *

И вот, наконец, он пришел, долгожданный последний день в моей клетке, долгожданный день перед отъездом в Англию.

За день до этого мама, ругаясь и проклиная все вокруг, собирала мой чемодан. Да, да, это делала именно мама. Потому что доставать чистые вещи из чистого шкафа мне, такой «грязной», было не положено. Но я и не возражала. Я думала о Джейке. А все остальное меня даже не расстраивало.

Волновало только одно – в последнее время Джейк совсем перестал появляться в фейсбуке, перестал общаться. Может быть, что-то случилось с ним. Может быть, он занят, думала я. Но он ведь должен знать, что я приезжаю. Я так рада, что скоро увижу его. Он – моя радость, мое солнце, моя душа и сердце. Я так боюсь, что он об этом узнает. Я так хочу, чтоб он об этом узнал.

Наполненная этими мыслями и нетерпением, я направилась спать. Спала я беспокойно. Как обычно. Но под утро, наконец, крепко заснула. И приснился мне сон...

Я была в Кембридже. Уже там. В своем общежитии, в той же комнате. Спала в своей кровати, было утро. Солнце светило в окно. Пели птицы. Я села в кровати и стала смотреть в окно. Вокруг меня ходило много людей. Все незнакомые. Новые люди. Их становилось все больше и больше в комнате. Я смотрела в толпу и пыталась найти среди них Джейка. Но его не было. Я встала. Прошла сквозь людей и спустилась вниз по лестнице. Там тоже были люди. Но и здесь нигде не было его. Жуткое чувство пришло ко мне.

А вдруг его нет, нет там, нет нигде. Вдруг он уехал, ушел, поменял работу, исчез. Забыл про меня. Живет теперь в другом месте. Вдруг я приехала зря. Я искала. Вдруг в дверь постучали, и этого стука как будто никто не услышал кроме меня. Подождав, что кто-нибудь откроет, я направилась к двери. Я открыла. На пороге стоял он. Стоял и радостно улыбался.

Я проснулась. Это был хороший сон.

Было утро дня отлета. Мама ругалась. Радио пело. А мне было все равно. Я была страшно взволнованна и счастлива. Я ехала к нему. И вот я уже еду в аэропорт. Почти бегу, не слыша и не видя ничего на своем пути. И вот я иду на посадку. Я люблю самолеты, они напоминают мне Ричарда Баха с его иллюзиями. Вот я уже в самолете... Ох счастье... оно существует... поверьте мне. Говорю искренне и со всей душой – оно, правда, есть. Потому что свобода – это настоящее счастье.

Обратно

В этот раз я добралась из аэропорта сама. Я отлично знала весь путь от Хитроу. Помню, сколько людей было вечером в поезде на Кингс Кросс. Так много, что вошедшим на следующие станции было уже совершенно некуда сесть. Я любила этот поезд. Я вообще все здесь любила. Мне нравились люди – такие разные, что от разнообразия с непривычки рябило в глазах. Нравился язык, несмотря на то, что о пятидесяти процентах сказанного я только догадывалась, а двадцать процентов – так и вообще не понимала. И эти сидения с синей обивкой были такими родными и знакомыми. И они мне тоже нравились. Как можно чувствовать себя дома в месте, где пробыл всего лишь несколько недель? Это глупо, но я себя здесь так чувствовала.

В Кембридже меня поселили в то же общежитие, что и в первый раз. В ту же комнату. Только кровать в этот раз мне

досталась другая, не у окна. Но такая мелочь меня совсем не расстраивала. Был поздний вечер, я спустилась на кухню налить чаю и вдохнуть воздух свободы. На кухне никого не было. Дом уже спал. Было тихо и дышалось очень спокойно. Такое странное ощущение посетило меня (и забегая далеко вперед, скажу, что каждый раз возвращаясь в Кембридж, я чувствовала себя также), так было странно быть в этом доме и осознавать, что в нем спят совершенно другие, новые люди. Место оставалось тем же. Оставалось тем же годами. Только люди постоянно приезжали и уезжали, непрерывно сменяя друг друга. Некоторых из них даже не вспомнишь. Другие глубоко врезались в память. Сами как будто становясь этим местом. Приезжая в Кембридж снова и снова, встречая бесконечное количество людей, могу сказать, что некоторые из них оставили неизгладимый отпечаток в моей душе. И каждый раз возвращаясь, хотелось собрать всех их вместе. Но в том-то и была главная особенность Кембриджа – дома их всех были разбросаны далеко-далеко друг от друга, по разным концам света – т.е. собрать их всех вместе было почти невозможно.

Я выпила чай на кухне, пошла к себе, легла на кровать и почти сразу уснула.

* * *

Солнечные лучи били в окно комнаты. Я проснулась от этого теплого, почти сказочного света. Он был прекрасен. И день с ним был прекрасен. Это был свет жизни, свет свободы,

свет счастья.

Вместе с другими «новыми» студентами я собралась в школу. Вечером нам выдали конверты с расписанием. И мы все должны были явиться в школу для сдачи теста к 8:30.

«Пойдемте пешком», – предложила одна из девушек. «Нет. Тут сказано, что мы должны сесть на автобус 1, 2, 13 или любой автобус, идущий до центра», – возразила другая, пытаясь следовать инструкциям вчерашнего письма.

«На автобусе быстрее, – согласилась я. – Я была здесь уже. Я знаю». Так, большинством было решено ехать на автобусе. Красный двухэтажный автобус подошел к остановке. И на нем мы очень быстро доехали до центра. Все здания в центре располагались по кругу от рынка на площади. И поскольку все были очень похожи друг на друга, то с непривычки тут можно было легко заблудиться. У школы было три здания в центре, и я часто могла перепутать и прийти не туда. Но на листке с расписанием обозначался точный адрес, куда нам нужно было прийти в 8:30, и я не сомневалась, что точно знаю, где это. А девушки не знали, поскольку были в Кембридже впервые. И потому спорили. С учетом моих скромных лидерских способностей, а точнее их полного отсутствия, убедить остальных в своем знании у меня не очень получалось. И так и не сумев внятно отстоять свою точку зрения, я последовала за большинством. И конечно большинство шло не туда. Но мне было не очень важно куда идти. Он был здесь. Где-то здесь. Где-то совсем рядом. Я

уже его чувствовала. Я знала. И это было так здорово. Так удивительно. Так хорошо.

Следуя за остальными, я дошла до входа в главное здание школы. Здесь был офис. Не знаю почему, но сердце вдруг сильно забилося. Я подошла к входу, желая зайти внутрь. И тут вдруг кто-то, выходя, резко изнутри открыл дверь. Я испугалась от неожиданности. Подняла голову. И это был он. Лицо мое расплылось в самой глупой на свете улыбке. Он тоже улыбнулся мне и сказал: «Привет». Я была так рада. Нет. Я была не рада, я была больше чем счастлива. Правда, счастье мое длилось не долго. Он шел на урок. А нас уже ждали на тест, как я и говорила, в другом здании. Но, Боже, какой тест. Какой урок. Какая разница. Это он. Он здесь! Я здесь!

И пусть весь мир идет своим путем. Пусть жизнь других останется с ними. Пусть прошлое и будущее не имеют больше никакого значения. Потому что есть только я и он. А все прочее не важно, не важно, не важно...

Уроки, Джейк, Кембридж, Счастье и носки из стиральной машинки

Я была в Кембридже и была счастлива. Дни были солнечные. Воздух был чистый. Душа пела, сердце радовалось. Неужели я здесь. Неужели дошла. Как же хорошо. Я бежала через мост на Хилз Роуд, в центр, а в голове весело пело «все в порядке, я не влюбилась...» («Город 312»). Нет, все, правда, в порядке. И не влюбилась я совсем... Улыбалась я сама себе. «И совсем он не мой герой»... угу... как же...

С трудом, но мне удалось записаться в класс к Джейку. Желающих, кроме меня, было достаточно. Но я это сделала. Иначе просто и быть не могло. Он был как звезда, случайно приехавшая в провинциальный город. Все тянулись к нему. Всем хотелось быть ближе. Все повторяли за ним и копировали его. Делились рассказами и впечатлениями от общения с ним. Делились фотографиями. А я наблюдала за этим чуть со стороны и улыбалась. Ведь лучше его не найти в целом свете. Он – мое счастье, мой мир, мой свет, моя любовь, моя радость. Мое все.

На уроке он блистал. Был ярче полярной звезды самой темной ночью. Ни у кого не было такой харизмы. У меня меньше кружилась голова, рядом с ним исчезали все проявления ВСД и головокружения.. И я могла спокойно высидеть урок без желания убежать из класса или страха упасть в обморок. Он опять был лекарством. Был сказочным принцем. Лучшим, что когда-либо в жизни случалось со мной. Мир вокруг снова был солнечным, красочным и ярким. Жить так неистово хотелось. Хотелось горы свернуть ради него.

Уроки проходили в старом здании одного из колледжей. Во дворе был маленький уютный садик.

– Мне всегда было интересно, куда пропадают носки из стиральной машинки? Вот кладешь туда, например, восемь носков, а достаешь семь. А восьмого нигде нет. И так каждый раз! – изобразил Джейк страдание на лице. – Ты его ищешь, ищешь и не можешь найти. Там что, какая-то черная дыра

для носков? И где мой носок? Где мой носок, я спрашиваю? (Where is my sock?!) – вопил он, стоя посреди класса. Он уже вошел в образ, и рассказ его был настолько эмоционален, что стены дрожали.

– ...Когда я был маленький, и мама оставляла нас с папой на выходные, папа всегда кормил нас сосисками с пюре. – Пап, а что на обед? – Пюре и сосиски. – А на ужин? – Сосиски и пюре. – Пап, а что мы будем есть завтра? – Пюре и...

– ...Вы когда-нибудь путешествовали в фургоне на колесах? Это так чудесно и романтично, не правда ли?! ...это утомительнейшее, скучнейшее занятие, скажу я вам! Вам говорят – это прекрасная возможность провести время с семьей! А на деле ты только ждешь своей очереди чистить биотуалет... Да и посидеть в нем спокойно не удастся... – класс хохотал. И я вместе с ним.

Я любила эти глупые истории. И ничего особенного не было в его словах. Ничего, если бы их произносил кто-то другой. Но то, как он это рассказывал, как говорил, его жесты, мимика, харизма; то, как он наполнял эмоцией каждое сказанное слово. То, как он языком тела передавал каждую мысль тебе прямо в голову по какой-то, неведомо откуда взявшейся, волне. И благодарные зрители уже захлебывались от смеха, были готовы стоя ему аплодировать.

Каждый раз, выходя с урока, я была счастлива. И еще больше была счастлива от каждой, самой маленькой возможности побыть рядом с Джейком.

Кембридж

Кембридж – маленький город на востоке Англии. Кембридж – всемирно известный университет. Кембридж – это великие ученые, открытия, переворачивавшие науку, известные на весь мир писатели, знаменитые колледжи, стоящие здесь уже много веков. Кембридж – это огромная значимая часть мировой истории.

Кембридж...

Чем он был для других? Наверное, для всех по-разному. Для каждого своим.

Чем он стал для меня? Убежищем. Спасением от всех проблем и несчастий, преследовавших меня. Домом, которого у меня в полной мере никогда не было раньше. Шансом, который выпадает один раз на миллион таких нелепых судеб, как моя. Чудом, которое так неожиданно случилось со мной. Свободой, которой тут было так много, что ей можно было бы просто задохнуться. Покоем. Покоем, который был так необходим. Наверное, даже больше чем я сама могла себе представить. Любовью, которой был Джейк. Такой огромной, всепоглощающей и нелепой, которую и вообразить себе сложно.

Если выйти рано утром из общежития и идти по направлению в сторону центра, можно попасть в чудесную атмосферу начала дня. Если повезет, и солнце тоже сегодня проснулось рано, можно увидеть высокое, высокое синее небо, и частые следы пролетающих самолетов между облаков. Я люблю са-

молеты – для меня это как знак свободы. Летящий в небе самолет может рассказать столько историй. Столько счастливых ожиданий встреч, столько новых открытий, новых впечатлений. Да также много и расставаний. Но когда я вижу летящий высоко в небе самолет, мне не хочется грустить. А хочется только радоваться. Центр города тоже прекрасен утром. Когда улицы еще не гудят голосами туристов и покупателей торгового центра, можно увидеть и почувствовать Кембридж таким, каким он был столетия назад. Свет отражается в окнах, раскрашивает крыши. Старые колледжи как будто рассказывают истории тысяч людей, учившихся в их стенах. И в этот момент кажется, что происходит что-то важное. Здесь и сейчас. В этом сказочном месте. И с тобой. Потому что ты сейчас тоже тут. Ты сейчас часть, пусть и очень крохотная, но все же часть всего этого. Это как будто бы история творится прямо здесь и сейчас, и ты часть этой истории. Я любила гулять по городу. И чаще всего делала это одна.

В тот вечер я решила «сбежать» из дома под предлогом встречи с другом. В реальности встречи никакой не было.

И я шла, чуть дыша, по вечерним улицам, боясь нарушить тишину своим присутствием здесь. Как дикий зверек, уставший от громких звуков, я наслаждалась молчанием города, дарившим успокоение, утешение и уверенность в завтрашнем дне. Мне казалось теперь, что все кончится хорошо. И это грело меня. Пройдя центр, я спустилась к реке, спасаясь

от толпы шумных студентов, стремившихся провести вечер пятницы как можно активнее.

Соседи в моем общежитии затеяли сегодня очередную вечеринку. Народ собирался пить, развлекаться и орать всю ночь. Обычный способ провести выходные в городе, где большой процент населения составляют люди от восемнадцати до двадцати пяти. Мне же совсем не хотелось этого. Я сознательно избегала людской компании. Я бежала от них. Пряталась. Они все были замечательными ребятами. Приятными и очень общительными. Но честно сказать, живя с мамой, под гнетом правил, порядков и запретов, я совсем не привыкла к близкому и долгому общению с большим количеством людей. Я была как волчонок, выросший в клетке в зоопарке. Знающий про существование других волков, но привыкший держаться особняком из-за неумения и не привычки близко контактировать с ними. Мне было комфортно одной. Кроме пары близких подруг в Москве у меня никого не было. А в последнее время я не общалась ни с кем вообще, кроме одной только подруги.

Вечер был теплый. Небо высокое, чистое и синее. Я шла по берегу Кема, наслаждаясь видом. Плавающие лодки – дома тянулись вдоль берега реки. В окнах некоторых из них уже горел свет. Пушистая разноцветная кошка, уютно свернувшись, спала на палубе, между расставленных тут же горшков с цветами. Многие, выращивали так же в горшках и какие-то овощи. Большие упитанные утки сновали меж лод-

ками в надежде получить заветный, упавший в воду кусок. Вода в реке была мутная, дно илистое. Но это ничуть не убавляло романтики пейзажу. Мало кто ходил по этой стороне в такое время. Потому я так любила гулять вечером именно здесь. Иногда влюбленные парочки нарушали мой покой. Или какой-нибудь идущий из паба человек попадался мне на пути. Но не более того. Как правило, вечером река была тихой. Здесь можно было думать, думать и наблюдать. На противоположном берегу была жизнь. Там горели огнями бары и кафе. Я пыталась разглядеть сидящих там. Наблюдать за людьми с безопасного расстояния мне очень нравилось. Я думала, как они там сидят, разговаривают о чем-то. Есть ли среди них будущие великие ученые. Есть ли парочки?

Смотря на них, я конечно же думала о Джейке. С ним бы я пошла в такое место. И не чувствовала бы себя там не в своей тарелке. Рядом с ним я уверена. Рядом с ним меня не мучает ничего. На уроках Джейк часто рассказывал о своей семье. О маме, папе, двоюродных братьях, других всевозможных родственниках. О том, как они общаются, проводят праздники вместе, что его мама любит готовить. «Как это – жить как они?» – думала я. Наверное, здорово, когда ты заботаешься о ком-то, а кто-то заботится о тебе. Не делает вид, что заботится, а правда заботится по-настоящему. Их жизнь так прекрасно звучала из его уст. Он рассказывал все эти истории, а я завидовала. Мне хотелось быть частью их, частью его жизни, частью этого мира. А я пока не была. Ну ничего.

Я обязательно буду. Обязательно! И от этих мыслей становилось так тепло, так спокойно и весело у меня на душе, что, казалось, даже фонарики, расставленные вдоль берега, подмигивали мне.

Время шло, лето убегало по секундам, как песчинки в песочных часах. Его оставалось мало. А Джейк, казалось, совсем перестал интересоваться мной. Мы редко общались. И виделись в основном в школе. Я переживала. Пролетали дни, часы, минуты, вернуть которые никак будет нельзя. Мои сумасшедшие планы о счастливой жизни с Джейком рушились, как картонный домик. Но мой разум, затуманенный чувством, не в состоянии был адекватно оценивать ситуацию. Я видела только надежду, цепляясь за малейшие мелочи, как за спасательный круг. Видя только цель, которой был он. Только спасение, которое он значил. Я старалась приободрить себя, как могла. Но ничего не помогало, не помогало совсем. Хотя я старалась изо всех сил. Очень старалась сделать каждую нашу встречу особенной. Но было сложно. Английский предательски подводил в самый нужный момент. Застенчивость не позволяла себя выразить.

Головокружения были мукой, от которой вообще было не ясно, как избавляться. И только рядом с Джейком голова не кружилась. Рядом с ним просто было спокойно. Колоссальные силы я вкладывала ежедневно в жалкие попытки своей социализации в студенческом обществе. Не понимающе-

му, о чем идет речь, человеку этого не описать. Я была как русалочка. Андерсен про меня писал, точно. Каждый шаг через боль. Как по битому стеклу каждый раз. Голова кружится. И объяснить толком ничего не можешь (чертов английский!). Времени нету. Оно убегает, ускользает, как песок сквозь пальцы. А дурацкий, глупый принц тебя почти не видит и не понимает. И знаешь, что станешь ты пеной морской. Только даже это лучше, чем обратно... А он будет жить. Он будет счастлив. Пусть будет. Для несчастной русалочки достаточно просто хоть минуту рядом побыть. И даже это уже больше, чем счастье...

Постепенно, к концу лета, я с удивлением обнаружила, что у меня появились друзья. Общение с людьми начало становиться не обузой, а радостью. Мы ездили в Лондон, ходили в музеи, в кафе, по магазинам, готовили вместе, смотрели фильмы. И с каждым разом делать все это становилось мне легче и легче. Например, сходить в кино, стало не принуждением, а удовольствием. Лето в Кембридже было прекрасным. Все вокруг было ярким, зеленым и приветливым. Огромные коровы, никого не боясь, жевали травку в пяти минутах ходьбы от центра города. Туристы, приехавшие со всего мира, шумели и пестрели на улицах, не уставая всюду фотографироваться. От разнообразия сладостей и вкусов у меня разбегались глаза. Каждый день можно было пробовать что-то новое, и это не надоедало. Школа занимала только первую половину дня, так что до вечера день был сво-

боден. И я проводила его с друзьями. В этом лете было все, о чем я могла только мечтать. Была свобода, было счастье, были друзья, был Джейк. Это время было чудесное. Мне было хорошо. Но оно заканчивалось. Каждый раз, когда я думала об этом, все начинало ныть и сжиматься внутри.

Вот и пришла последняя неделя.

До отъезда оставались считанные дни. Я так переживала, что не могла больше ни пить, ни есть, ни думать о чем-либо. Что делать? Вопрос, которым я задавалась каждый день со дня моего приезда сюда. Ну почему же он медлит? Почему не говорит мне о своих чувствах? Ведь не может же быть, что их совсем нет! Нет, такого просто не может, не может быть!

Я долго думала и, в конце концов, решилась на отчаянный шаг. Если он молчит, тогда я помогу ему. Я буду первой. Перед нашей последней встречей я купила красивую открытку и написала...

«Мой дорогой Джейк!

Ты встречаешь много людей. Все они разные. Какие-то запоминаются, присутствие других же проходит мимо тебя, не оставляя следа. Я думаю, мимо тебя прошло очень много людей... и, наверно, достаточно девушек. Могу только представить себе сколько. Но иногда ты встречаешь человека, и он меняет все. Всю твою жизнь, весь мир вокруг. И он становится самым важным для тебя. Каждый шаг, каждая мелочь становится важной. Это как будто ты знал человека всю жизнь, а теперь, в самый нужный момент, просто встретил его. Труд-

но описать, насколько, на самом деле, важен для меня ты. Я люблю тебя, мой дорогой Джейк. И надеюсь скоро увидеться с тобой снова.

С любовью, Мария».

Перечитав несколько раз, дрожа от волнения, я положила открытку в конверт. Дело было сделано. Оставалось только отдать ее Джейку.

Пришла пятница. День прощания

Я ждала его на улице, в саду. Еле дыша, считая секунды, я стояла глядя на старые окна колледжа. Нервно теребя в руках конверт, я подняла голову вверх. Небо такое красивое, по-вечернему синее. Как же красиво и спокойно здесь. Впереди стояла деревянная лавочка, рядом с ней дерево. Сколько я всего помню об этом месте. Посмотрев на розовый куст, я печально вздохнула. Воспоминания. Что может быть хуже и лучше их. Картинки всплывают в памяти. Запахи. Звуки. Лица. Ощущения. Некоторые моменты помнишь настолько подробно. До звуков. До воздуха. Помнишь даже муравьев на лавочке. Цвет неба. Форму облаков. Каждый цветок на клумбе. Каждую мелочь. Каждый аромат.

Помню каждое утро и каждый в нем шорох. Помню, как спиной чувствуешь его шаги. Запах его сигарет. Значит – все хорошо. Он здесь, и все правильно. Так странно, я еще стою здесь, но эти моменты уже стали воспоминаниями. И так вдруг сильно защемило в груди от понимания этого. Но несмотря даже на боль, помнить полезно и важно. Нужно

запомнить небо, солнце, форму облаков, цветы на клумбе, утро и твои шаги за спиной... Чтоб даже ни на минуту не усомниться в цели. Как это полезно помнить, какие важные они, эти шаги. Сколько ради них нужно еще сделать и пройти. И, не смотря на всю боль, это все важно помнить. Чтобы не останавливаться, чтобы двигаться дальше.

Он вышел из двери и улыбнулся мне во весь свой белозубый рот. У него самая прекрасная улыбка, подумала я, глядя на него. И вообще, он самый-самый лучший. Я улыбалась ему в ответ, и слезы уже выступили на глазах, и в горле стоял комок. Я обняла его и расплакалась. Он утешал меня, что-то говорил. Что все не так плохо. Что все будет хорошо. Пытался шутить. Смеялся. А я не могла говорить. Не могла сказать ему ни слова. Я знала, что это конец, и не могла, никак не могла перестать реветь. Он все обнимал меня, и не было ничего лучше этих объятий. В них было все, чего так сильно хотелось мне. Уверенность, спокойствие, счастье, и моя сумасшедшая, сумасшедшая любовь к нему. Не знаю, сколько времени прошло. Мне казалось, что прошла вечность. Но она пролетела, как мгновенье перед моими глазами. Сложно объяснить это странное чувство, но мне это показалось именно так. Ему было пора идти.

Я отдала конверт. Он, сунув его в сумку, развернулся по направлению к выходу из сада. Я оперлась о подоконник и зарыдала. Сильная теплая рука сжала меня чуть выше локтя. Слезы застилали мне глаза, но я знала, что это был он.

Столько уверенности и утешения было в этой руке, столько мужского и сильного. Что, задержав дыхание, я вдруг перестала плакать. Он отпустил руку и, не оборачиваясь, ушел за ворота быстрыми шагами. А я еще долго смотрела ему вслед, держась второй рукой за то место, где только что была его рука. Уже не плача.

День отъезда

Было даже не пасмурно, небо было темно-серое, закрытое до горизонта огромной тучей. И страшный ливень, шедший стеной, напоминал о конце. Кембридж как будто грустил. И я тоже грустила. Глядя в окно сквозь дождь, можно было увидеть проезжающие мимо дома автобусы, бегущих по улицам людей, зеленые листья, все еще пестревшие летним разнообразием. Было печально, но нужно было идти. До вокзала меня проводила одна из моих соседок. Приятная китайка средних лет. Она помогала, шла чуть впереди, катя мой второй чемодан. Было сложно идти под дождем, а он тем временем становился только сильнее. Не успели мы перейти мост через железную дорогу, как вдруг совершенно неожиданно посыпал град. Мы встали, закрывая зонтами чемоданы, чтобы они не промокли совсем. «Кембридж плачет», – сказала соседка и как-то с поддержкой посмотрела на меня. «Не расстраивайся, ты обязательно вернешься. Я знаю. Ты должна вернуться». Град стих, и мы наконец дошли до вокзала. Я попрощалась с ней. Она желала мне много всего хорошего. И я ей тоже. Хорошая девушка, думала я. И сколько таких

тут было. Таких, с которыми очень не хотелось прощаться.

Я села в поезд, повернулась к окну и наконец дала волю слезам, душившим меня с утра. Вода текла по стеклам и по лицу. Небо плакало, и я с ним тоже. Я снова чувствовала себя в клетке. В клетке из виз, границ, проблем и маминых запретов. На часах было два. Джейк еще на работе. Сердце рвалось наружу, в груди горело. Хотелось выбежать из поезда и, наплевав на все, бежать к нему. Вагон пошатнулся и поехал. Все... пришел конец и этой серии. А ты думала все так просто, глупая. Думала, раз, и все неприятности позади. Раз, и эта невероятная сказка вдруг станет твоей жизнью. Не на минуту, а уже навсегда. И прекрасный принц спасет тебя. Но принц оказался похож на спящую красавицу. Его для начала требуется как-нибудь разбудить. Люди в поезде искоса поглядывали на меня, а я пыталась не отворачиваться от окна.

Пересев на Кингс Кросс на метро, я доехала до Хитроу. Рейс был вечерний, я отлично успевала и никуда не торопилась. Купив чай в Старбакс, я села за столик и стала смотреть на людей, снующих туда-сюда. Кто-то торопился на посадку, кто-то напротив, только прилетел. Кто-то кого-то встречал. Я смотрела на них, и мне было грустно. Телефон молчал, ни строчки, ни слова от него. Ничего. Что с ним? Где он? Может, он занят? Прочитал ли он мое письмо... Может, так расстроен всем этим, что просто не знает, что сказать. Ну почему он молчит, почему? Я так долго не вынесу. Может быть, ему наплевать. Может, зря я бегу за ним, зря держусь

за это все, зря верю в то, что он любит меня... Ну сказал бы хоть что-нибудь. Прислал бы хоть строчку. Подал бы хоть какой-нибудь знак. Хоть кто-нибудь... Хоть кто-нибудь сверху слышит меня? Я сижу тут одна в этом огромном аэропорту, жизнь кипит вокруг, здесь куча людей, куча событий, а я сижу тут со своей чашкой, внутри все рвется от боли и непонимания. А рассказать некому. Никто не поймет. Ведь никто не узнает. Пришло время идти к стойкам регистрации. Я обошла зал, в поисках нужной. Хитроу большой аэропорт. А я, когда нервничаю или расстроена, в подобных местах легко теряюсь. Понимая, что иду не туда, я остановилась прямо напротив большого эскалатора. Наверху была надпись «прибытие» со стрелочкой. Я встала, пытаюсь найти надпись «отправление», которая по логике должна была быть где-то рядом. Люди спешили на эскалатор, в зал прилета, встречать своих знакомых, близких и родных. Для кого-то здесь все только начиналось, а для меня сейчас заканчивалось... Мой взгляд задержался на детях, бегущих впереди. Они держались за руки. Просто мальчик и девочка лет десяти радостно бежали вместе на эскалатор, ведущий наверх. «Джейк! Мария!», – позвала их женщина, идущая за ними. – «Давайте быстрее. Мы уже опаздываем!».

Я встала в оцепенении, еще минуту глядя на эскалатор. Может, мне послышалось... Человек часто слышит то, что хочет, особенно в таких ситуациях. А может это знак, о котором я просила, и кто-то все-таки слышит меня там свер-

ху. Что бы там ни было, мне стало светло и легко на душе. Может я все-таки еще вернусь. Может, еще все получится. Я улыбнулась себе под нос. И пошла дальше, искать свою стойку регистрации.

Облачный атлас

Шел декабрь. Все вокруг уже дышало подготовкой к новогодним праздникам. И лишь для меня Москва была как обычно безнадежно печальной, грустной и тоскливой. Все вокруг было тусклым, бесцветным, безрадостным. Все было серым без него. Как будто кто-то взял и поменял пленку в кинокамере, и теперь она снова снимала только в черно-белом цвете. Все было одинаковым, неживым. Депрессия снова вернулась ко мне, как и в прошлый приезд домой. И из нее опять не виделось выхода. Выход был. Он был только один – вернуться насовсем обратно. Но это было невозможно. Просто невозможно и точка. Невозможно, как и всегда. Я измоталась. Устала. Выдохлась. Хотелось уже только одного – забыть поскорее всю эту историю. Забыть Джейка. Чтоб хоть немного избавиться от этой непроходящей, невыносимой боли внутри. Хватит. Хватит мучить себя. Хватит. И без того много проблем. Я твердо решила, что обо всей этой истории надо забыть. В ней было много хорошего. Было и прошло. Хватит. Нужно поставить точку. Попробовать жить нормально. Настолько нормально, насколько это возможно в моих обстоятельствах. Но хоть как-нибудь. Хотя бы попытаться.

Поскольку количество моих московских знакомых совершенно не увеличилось за время моего пребывания в Англии, что было вполне логично и естественно, я решила написать девушке, с которой познакомилась в Кембридже. По счастливой случайности Вероника тоже жила в Москве. И, к моему счастью, у нее нашлось время встретиться со мной. Чему я так же была очень рада. Мне хотелось отвлечься. Забыться. Все равно было, где и как. И способ нашелся вполне себе культурный – мы договорились пойти в кино. Я не знала, что за фильм мы будем смотреть. Но кино я любила. И самое главное, что было во всем этом – это радостное предвкушение других, новых, так нужных мне впечатлений. Хотя бы на два часа забыть весь этот бред, всю эту сумасшедшую историю про Джейка и мою великую любовь к нему. Фильм выбирала Вероника. А я, я рада была согласиться на все, что бы мне ни предложили.

Мы встретились в одном из крупных торговых центров Москвы. Был вечер, все вокруг сияло и блестело, украшенное новогодними декорациями (мишурой, шарами и прочей фигней). Город готовился к празднику. Радостные, красиво одетые люди бегали по магазинам, выбирая подарки. Ярко украшенные витрины манили потенциальных покупателей, крича цветами и красками кто громче, на все лады, в надежде за праздники сделать выручку на весь следующий год. Эта веселая суматоха не радовала, а только раздражала меня. Вообще, наверно, мало что тогда смогло бы меня пора-

довать. Знакомая моя была так же, как и все, погружена в это праздничное сумасшествие. Но, к счастью, помимо того, у нас нашлись и другие темы для разговора. Мы вспомнили Англию. Общих знакомых, друзей. Я тоже старалась улыбаться. Старалась очень... изо всех сил. И, наверное, со стороны это могло выглядеть как будто естественно. Вероника говорила, говорила... а я медленно проваливалась, уходила куда-то в себя... «Чему радуются все эти люди?» – удивлялась я, глядя по сторонам. Единственное, что заставило бы сейчас искренне улыбнуться меня, думала я, это подаренный мне каким-нибудь добрым волшебником английский или европейский паспорт. Это значило бы, что проклятые визы мне больше не нужны. И я могла бы бежать со всех ног обратно к Джейку. Это значило бы конец боли. И разговор не о политике или стране, этот разговор только о боли одного единственного маленького человека. На которую, естественно, всем наплевать. Что остается мне в моем положении? Если бы я хотя бы знала, что он тоже любит меня. Я ведь все смогла бы. Я бы все сделала для него. Я пошла бы к нему хоть пешком, хоть вплавь через Ла-Манш. Я бы построила плот, воздушный шар, корабль, подводную лодку. Да что угодно! Прошла бы пешком через лес, полный фашистов, как у Ремарка в «Ночи в Лиссабоне». Нашла бы ковер-самолет, или шапку-невидимку, спрятанную на каком-то далеком острове... Смогла бы все-все-все... чтобы оказаться с ним просто рядом. Если бы это только было ему нужно. Если бы он дал

мне об этом знать. ...И так я все думала, думала, размышляла. Но это были всего лишь желания, не вяжущиеся с реальностью мечты. На деле я почти ничего не могла. Мысли мои снова сменяли одна другую, соединяя и связывая, как в паутине одну сумасшедшую идею с другой... И почему нельзя попросить, чтобы мне дали особую визу в виде исключения. У меня ведь есть уважительная причина – любовь. Почему любовь не может являться основанием для получения, например, пмж в стране, где живет любимый?.. Глупые люди, им интересны только сухие неважные факты. А по-настоящему важные вещи они упускают. Ведь, что может быть важнее любви?..

На этой мысли я заметила, что мы уже в кинотеатре и сидим в зале. Вероника как раз закончила какой-то рассказ и замолчала. Дурацкое качество мое – иногда слушать человека – не слушая. Свет погас. Начался фильм...

Села я, значит, в кресло. Бедная голова моя, в надежде хоть на два часа перестать думать, опрокинулась на спинку, и тут...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.